

**В. Н. ПЕРЦЕВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ**

Л. В. Ландина

Белорусский государственный университет культуры искусств,
г. Минск, Беларусь, larisa-hist@mail.ru

В статье характеризуется вклад одного из крупнейших историков советской Беларуси, академика Владимира Николаевича Перцева (1877–1960) в исследования по Новой истории, в частности, разработку проблем развития новоевропейской государственности и политических институтов. Научная деятельность В. Н. Перцева показана на фоне политических и социокультурных процессов и историографического контекста, в рамках которых проходило становление и развитие медиевистики и новистики в БССР.

Ключевые слова: В. Н. Перцев, БССР; Белорусский государственный университет; медиевистика; новистика; германистика; политические институты; бранденбургско-прусский абсолютизм; Европа Нового времени.

**V. N. PERTSEV – RESEARCHER OF POLITICAL INSTITUTIONS OF WESTERN
EUROPE OF EARLY MODERN TIMES**

L. Landina

Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus, larisa-hist@mail.ru

The article characterizes the contribution that one of the largest Soviet Belarus historians, academician Vladimir Nikolaevich Pertsev (1877-1960) made to research on modern history, in particular, the study of development problems of the new European statehood and political institutions. V. N. Pertsev's scientific activity is shown against the background of political and socio-cultural processes and historiographic context, that the formation and development of medieval studies and novistics in the BSSR took place in.

Keywords: V. N. Pertsev; BSSR; Belarusian State University; medieval studies; novistics; German studies; political institutions; Brandenburg-Prussian absolutism; Europe of the New Time.

Владимир Николаевич Перцев (1877–1960) – один из крупнейших белорусских советских историков, академик, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки БССР, основатель медиевистики и новистики в белорусской исторической науке. Жизненный путь и научная деятельность В. Н. Перцева неоднократно исследовались белорусскими историками и историографами – И. О. Евтуховым [2], О. И. Малюгиным [3], В. А. Острогой [4, с. 96–299], И. Р. Чикаловой [11, с. 11–12], О. А. Яновским [12] и другими. Вместе с тем, масштаб научного наследия В. Н. Перцева позволяют раскрывать в его работах все новые аспекты.

Биография В. Н. Перцева в полной мере отражает всю сложность отечественной истории XX столетия. В официальной автобиографии Перцева, написанной, вероятнее всего, в конце 1951 г. [2, с. 53], указывается, что он родился в 1877 г. в г. Курске в семье «среднего служащего». Однако эти слова были, очевидно, рассчитаны на то, чтобы затенить свое действительное происхождение из дворян перед соответствующими органами в условиях послевоенного культа

личности Сталина и политических репрессий.

Кроме того, отца В. Н. Перцева, статского советника, едва ли можно назвать «средним служащим». До Октябрьской революции гражданский чин статского советника, относящийся к пятому классу, объединял представителей высшей номенклатуры, относящихся к первому – пятому классам 14-классной Табели о рангах.

Путь в историческую науку и оставленный в ней след позволяют сделать вывод о значительной мотивированности В. Н. Перцева в выборе будущей профессии. Действительно, после Курского реального училища поступить в университет было невозможно, и Перцев поступает сначала в Петербургский технологический институт, затем Варшавский ветеринарный институт, чтобы наконец в 1897 г. стать студентом историко-филологического факультета Московского университета и закончить его в 1903 г. Совершив во время учебы поездки в Венский и Берлинский университеты, В. Н. Перцев, ученик Р. Ю. Виппера, был оставлен при кафедре всеобщей истории для подготовки к профессорскому званию. К 1917 г. он опубликовал уже около 150 работ [3, с. 82].

Будучи уроженцем Курска, Перцев оказался в Беларуси по объективным причинам. После Октябрьской революции в республике было необходимо наново создавать систему высшего образования. Виленский университет был закрыт после восстания 1830–1831 гг., Горы-Горецкий земледельческий институт – после восстания 1863–1864 гг. Собственные научные кадры для высшей школы отсутствовали, и в Минск стали приглашаться ученые на временную или постоянную работу. Таким образом, в создаваемый в 1921 г. Белорусский государственный университет и был приглашен В. Н. Перцев как выпускник Московского и профессор Смоленского университета [11, с. 11].

В. Н. Перцев олицетворял то поколение историков с непростыми, зачастую трагическими судьбами, которое можно назвать мостом между дореволюционной и советской историографической традициями, и работы которых показывают взаимное влияние и сочетание дореволюционных и советских методологических установок. Принадлежащие Перцеву научные тексты демонстрируют мощное влияние дореволюционной позитивистской школы. Многофакторность в описании масштабных исторических процессов, внимание к деталям, развернутость характеристик, емкий и литературно гармоничный стиль характеризуют не только дореволюционные работы В. Н. Перцева, но и его более поздние произведения. Более того, даже жесткость классового подхода и категоричность дискурса советской исторической науки 1920-х–1950-х гг. были сглажены в публикациях Перцева. В качестве доказательства можно привести отрывок их историографической работы Перцева «Советская наука по истории средних веков» [10], изданной во время идеологических кампаний конца 1940-х гг. Вместо жестких оценок и акцентирования внимания на классовой несостоятельности и даже реакционности дореволюционной медиевистики у Перцева выражено следующее мнение: «Большинство ученых России... высказывали прогрессивные, иногда и демократические взгляды на некоторые основные вопросы средневековой истории. Они находились в оппозиции к царскому правительству, и некоторые из них вынуждены были покинуть кафедры в университетах под давлением правительственной реакции... И все-таки, несмотря на все эти заслуги крупных медиевистов перед наукой и обществом, изучение средних веков после Октябрьской революции необходимо было заново перестроить и придать ему совершенно новый, качественно отличный от прежнего, характер. Это была трудная работа, потому что при всех своих положительных сторонах досоветская

наука о средних веках не была марксистской» [10, с. 65–66].

Несомненно, В. Н. Перцева можно назвать основателем не только белорусской медиевистики, но и изучения Новой истории. Его работы охватывают историю Англии, Франции, Пруссии, Австрии до XIX в. включительно, а очерки по истории Европы XVI–XIX вв. [8] выдержали два издания еще до Октябрьской революции [10, с. 11]. Перцев специализировался в области германистики, которая стала ведущим направлением в его исследованиях по всеобщей истории [4, с. 296–297]. Так, в 1908 г. он написал рецензию на книгу П. П. Митрофанова «Политическая деятельность Иосифа II, его сторонники и ее враги (1780–1790)». Рассматривая книгу Митрофанова, посвященную реформаторской деятельности Иосифа II в рамках политики просвещенного абсолютизма [8], Перцев указывал на ряд ее значимых тезисов. В частности, вывод автора о том, что собственно философские идеи мало волновали австрийского императора, руководившегося политическим прагматизмом и желанием не отстать от соседних государств [8, с. 24]. В целом положительно оценивая работу Митрофанова, Перцев высказал два замечания: во-первых, автором слабо проанализирован социальный состав австрийского общества, и, во-вторых, практически отсутствует историографический обзор [8, с. 26–27].

Рассмотрение государства и его политических институтов находилось в начале XX в. среди приоритетов исторической науки. Господствующей в Европе раннего Нового времени формой государственного управления была абсолютная монархия, сохранившаяся в России до начала XX в. Применительно к германским землям Перцев более подробно рассматривал бранденбургско-пруссский абсолютизм.

В 1918 г. на основе вышедших в 1914–1917 гг. статей в журнале «Голос минувшего» была опубликована книга В. Н. Перцева «Гогенцоллерны. Характеристика личностей и обзор политической деятельности». Примечательным было авторское введение. Во-первых, оно не имело идеологических штампов и отсылало к многогранности и многофакторности в развитии новоевропейского государства, и, во-вторых, демонстрировало особую актуальность, в условиях подведения итогов Первой мировой войны, рассмотрения истории Германии [12, с. 122–123]. «В характерах наиболее выдающихся представителей (Гогенцоллернов – Л. Л.) мы видим отражение очень крупных течений прусско-германской истории, – указывал Перцев. – Поэтому к тому «германизму», который в настоящее время (1918 г.) является одним из определяющих факторов мирового развития, их личные характеры имеют непосредственное отношение, и при определении генезиса современной Германии их нельзя игнорировать. Это облегчило задачу автора при характеристике личности на фоне общих условий, среди которых возникали и расцветали своеобразные индивидуальности прусских монархов, и дало ему возможность связать в изложении личный и общественный политический элемент» [6, с. 3].

В первую очередь В. Н. Перцев обращает внимание на необходимость снятия стереотипов, заключавшихся в противопоставлении французского и прусского абсолютизма, развитие которых в XVIII в. привело к противоположным результатам: Францию – к революции, Пруссию – к статусу великой европейской державы. Это противопоставление имело давнюю традицию. Так, еще учитель Р. Ю. Виппера и Н. И. Кареева, В. И. Герье выделял два типа абсолютизма. При первом из них идея государя заслоняет собой идею государства, и монарх ищет опору личной власти в божественном установлении. Это монархия Людовика XIV, праздничная и разорительная для государства. Другой тип монархии — будничной,

рабочей, подразумевает монарха как хозяина своего государства, трудящегося ему во благо, не отвергая идею божественного происхождения своей власти. Это монархия Фридриха-Вильгельма I [1, с. 107–108].

У Перцева сравнение и оценка французского и прусского абсолютизма выражены через сопоставление личностных характеристик их представителей: «Неумение работать, страсть к наслаждениям и удовольствиям, мания величия, презрительное отношение ко всему, выходящему за пределы салонной болтовни – вот не особенно привлекательные черты схематизированной фигуры французского короля дореволюционного времени; под них подойдут и фривольные забавы Людовика XIII, и чопорное высокомерие Людовика XIV, и эгоистичное легкомыслие Людовика XV, и апатичная тупость Людовика XVI. И рядом с этой непривлекательной фигурой обычно рисуется тип государя-работника, первого слуги своей родины... Для создания этого коллективного образа пользуются в качестве отдельных штрихов и колоссальной энергией великого курфюрста Фридриха Вильгельма, и грубоватой простотой и пресловутой бережливостью короля Фридриха Вильгельма I, и здоровым практицизмом и военным гением Фридриха II [6, с. 5–6].

Но, выдвигает основной тезис Перцев, это противопоставление лишено оснований и не отвечает действительному положению дел. Если бы прусская монархия имела настолько эффективную организацию и управление, какие ей приписываются, то не произошло бы целого ряда сокрушительных поражений Пруссии уже во время наполеоновских войн.

Перцев указывает на принципиально важный, стержневой момент в характеристике прусской государственности, правомерность которого сохраняется и в сегодняшних работах по германской истории XVII и XVIII вв. Это – военный характер прусского государства, обусловленный многочисленными территориальными приобретениями в период роста Пруссии. Соответственно, военные цели заслоняли для прусских правителей всякие другие, формируя весь образ жизни государства и его подданных. С другой стороны, такие страны, как Англия и Франция, имели уже достаточно четко оформленные территории, и расширение границ не поглощало их ресурсов в такой мере, как у Пруссии. Перцев отметил также специфичность Пруссии, как государства достаточно однородного в этническом плане, по сравнению с Австрией, значительно более многонациональной [6, с. 8].

Богатый фактический материал с подробными характеристиками правителей династии Гогенцоллернов сочетается с емкими выводами о политической системе, которую они олицетворяли. Например, говоря о деятельности «великого курфюрста» Фридриха-Вильгельма (1640–1688), Перцев указывал не только на самодовлеющий военный компонент в управлении, но и на наиболее характерные черты прусского государственного и общественного строя, где «наверху – вся строгость монархической организации, вся сила централизованной власти, давившей одинаково тяжело и на высшие, и на низшие сословия, а внизу, в деревнях – все основные элементы патримониального государства с помещичьей юстицией, полицией и администрацией» [6, с. 19]. Символом же прусского абсолютизма стало правление Фридриха Вильгельма I, отца Фридриха II, известного своими афоризмами «не рассуждать!», «я не терплю сопротивления», «я тверд, как булыжник на улице», и считавшего Лейбница в общем никуда не годным человеком, неспособным даже стоять на часах [6, с. 25–26].

Апогеем прусского государства было правление «короля-философа» Фридриха II (1740–1786). Вместе с тем, Перцев отнюдь не склонен высоко

оценивать прусский просвещенный абсолютизм. Более того, он, в противоположность традиционным суждениям об эффективности прусской государственности, указывает на слабые стороны прусского общества по сравнению с французским. Перцев отмечает, что, в отличие от Франции, в Пруссии «не выработалось предпосылок будущего прогрессивного развития». Не было «ни образованного и активного третьего сословия», ни масс, «готовых к освобождению. Массы были принижены и задавлены крепостным правом, горожанам же Фридрих II всегда предпочитал аристократическую касту... Французская монархия XVIII в. до известной степени нивелировала общественные различия, допуская на высшие должности в государстве людей из класса буржуазии и стесняя власть помещиков на местах; прусские же приемы управления выдвигали на первый план дворянство. И поэтому вряд ли можно считать прусскую монархию более эффективной, чем французскую» [6, с. 44]. Слабость прусского режима заключалась в его сословности и неравенстве. Последовавшее затем ослабление государства сочеталось с соответствующими персональными качествами преемников Фридриха II, и дополнялось финансовым и административным кризисом [6, с. 50–51].

Наиболее же развернутая характеристика германского абсолютизма как исторического явления была изложена в «Германии в XVIII веке» [5]. С одной стороны, здесь «мелкодержавие» с тремястами шестьдесятю суверенными князьями, с другой – «победа княжеского абсолютизма как над сословным представительством (ландтагами), так и над политической самостоятельностью дворянства, городов и городских организаций» [5, с. 19]. В этих условиях достигли господства государства, обладающие обширными территориями, финансами и крупными военными силами. Таковыми стали дворянские монархии Восточной Германии – Австрия и Пруссия [5, с. 21]. Государственный строй Пруссии назван Перцевым «дворянско-буржуазной монархией военного типа» [5, с. 22]. Это было самодовлеющее дворянское государство, лишь использующее все остальные сословия. В условиях формирования капитализма особенно были важны место и роль буржуазии. Однако буржуазия в Пруссии была полностью подчинена государству и приняла «чрезвычайно бледный и чахлый характер». По этой причине прусский абсолютизм «не сыграл в развитии хозяйства страны той прогрессивной роли, которую играл на своей ранней стадии абсолютизм Англии и Франции....Только в одной области он (пруссский абсолютизм – Л. Л.) обнаружил очень большую энергию, именно – в области военных захватов, что и придавало тогдашнему прусскому государству его специфически военный, разбойничий характер» [5, с. 23].

В построении и тональности материала, изложенного в «Очерке истории Германии XVIII века» и изданном в 1959 г., в наибольшей степени проявились черты послевоенного советского историографического дискурса. Во-первых, это необходимые в работе советского историка цитаты классиков марксизма, во-вторых, приоритетное и развернутое рассмотрение социально-экономических процессов, и, наконец, общий обличительный тон в отношении прусского абсолютизма, что совершенно понятно в контексте результатов Второй мировой войны. Раскрывая особенности социально-экономического развития различных регионов Германии, В. Н. Перцев особенно останавливается на прусском пути развития сельского хозяйства, подкрепляя данный тезис высказываниями В. И. Ленина, с свою очередь, обращавшего внимание на то, что прусская модель аграрных отношений была характерна и для Российской империи [7, с. 14].

Научное наследие В. Н. Перцева, таким образом, имеет непреходящее

значение. Работы Перцева, раскрывающие специфику развития германских земель в раннее Новое время, а в особенности прусского абсолютизма, во многом унаследовали традиции дореволюционной новистики.

Дополнения и акценты, расставленные в них советской историографией, не смогли диаметрально изменить исторический нарратив и его общую направленность, и до сих пор многое из написанного В. Н. Перцевым сохраняет актуальность.

Библиографические ссылки

1. *Герье В. И.* История XVIII века : лекции, чит. в 1902–1903 гг. – М. : Типо-Литогр. Ю. Венер, 1902.
2. *Евтухов И. О.* Кафедра истории древнего мира и средних веков БГУ. К 80-летию создания. Минск : БГУ, 2015.
3. *Малюгин О. И.* Владимир Николаевич Перцев // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск : БГУ, 2017. С. 181–189.
4. *Острога В. А.* Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. 1919–1991 гг. Минск : РИВШ, 2016.
5. *Перцев В. Н.* Германия в XVIII веке. Минск : БГУ, 1953.
6. *Перцев В. Н.* Гогенцоллерны: Характеристика личностей и обзор политической деятельности. Минск : Харвест, 2003.
7. *Перцев В. Н.* Очерк истории Германии XVIII века. Минск : Изд-во БГУ, 1959.
8. *Перцев В. Н.* Очерки новой истории (XVI–XIX вв.). 3-е изд., испр. и доп. М. : Задруга, [1918].
9. *Перцев В.* Рец. на кн.: Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1907. – 784 с. // Рус. мысль. 1908. Кн. 2. С. 24–27.
10. *Перцев В. Н.* Советская наука по истории средних веков // Материалы ноябрьской сессии Академии наук БССР. Минск : Издательство АН БССР, 1949. С. 64–77.
11. *Чикалова И. Р.* Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX–начало XX в.). Минск : Беларуская навука, 2018.
12. *Яновский, О. А.* Белорусские историки в условиях первой мировой войны // Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 7. Минск : РИВШ, 2017. С. 120–128.